

Николай Добролюбов

**Поденьщина... Пустомеля...
Кошелек... Сатирические
журналы**

Николай Александрович Добролюбов

Поденьщина... Пустомеля... Кошелек... Сатирические журналы

«...Кроме библиографов, никто у нас жизни своей не посвящал науке. Были ли у нас, например, ученые, подобные тому аббату, который много лет употребил на исследование вопроса о том, на каком именно месте находилась вилла Горация, и посвятил этому вопросу три толстых тома? Были ли у нас изыскатели, которые бы всю жизнь мучились над исследованием головоломного вопроса: каким образом происходило бы размножение человечества, если бы не было различия полов в человеческом роде? Были ли у нас специалисты по таким предметам, как, например, вопрос о том, на каком году начал сидеть Рюрик, сколько было весу в колчане, который приснился Святославу в «Слове о полку Игореве», какой формы, цвета и объема был сосуд, из которого дали напиться пива Илье Муромцу калики перехожие, и т. п.? Не было у нас таких ученых, и некоторые почтенные люди говорят даже с душевным прискорбием, что русская натура вовсе и неспособна к такой учености...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Поденьщина... Пустомеля...
Кошелек... Сатирические
журналы**

*Поденьщина. Сатирический журнал
Василия Тузова. 1769. Издание А. Афа-
насьева. Москва, 1858*

*Пустомеля. Сатирический журнал
1770. Издание А. Афанасьева. Москва,
1858*

*Кошелек. Сатирический журнал Н. И.
Новикова. 1774. Издание А. Афанасьева.
Москва, 1858*

Русская библиографическая наука развилась в нашем отечестве необыкновенно быстро и роскошно. Даже люди, убежденные в том, что Россия во всех науках достигла изумительного совершенства, должны согласиться, что ни одна наука не стоит у нас на такой высокой степени развития, как библиография. Нам даже кажется, что только в области библиографии являлись у нас до сих пор истинные ученые, в тесном значении этого слова, ради своей науки отрешавшиеся от всяких общественных, нравственных, литературных и иных интересов. У нас были и есть – и историки, и критики, и юристы, и политико-экономы, и математики, и натуралисты, и пр., и пр. Но все это, собственно говоря, не ученые; это – артисты, дилетанты, светлые головы, гении наконец, если хотите, но только уж никак не ученые. Всем памятно торжественное осуждение, провозглашенное целой партией Грановскому за то, что он не был ученым;[1] не менее памятны нападки на Белинского за недостаток в нем учености.[2] В этом же смысле подымались голоса против Мейера, Кудрявцева и других людей, бывших

полезными двигателями нашей общественной образованности.[3] И действительно, что уж это за ученые, когда наука интересуется их не исключительно сама по себе, не своим абсолютным величием и отвлеченной красотой, а своим отношением к жизни и реальным своим значением!.. Это уж значит, что они жизнь предпочитают науке, что недостойно истинного ученого. Часто встречаются у нас в некрологах фразы, что вот, дескать, умер человек, всю свою жизнь посвятивший науке... Но все это обыкновенно бывает несправедливо и только так кажется на первый взгляд. Кроме библиографов, никто у нас жизни своей не посвящал науке. Были ли у нас, например, ученые, подобные тому аббату, который много лет употребил на исследование вопроса о том, на каком именно месте находилась вилла Горация, и посвятил этому вопросу три толстых тома?[4] Были ли у нас изыскатели, которые бы всю жизнь мучились над исследованием головоломного вопроса: каким образом происходило бы размножение человечества, если бы не было различия полов в человеческом роде? Были ли у нас спе-

циалисты по таким предметам, как, например, вопрос о том, на каком году начал сесть Рюрик, сколько было весу в колчане, который приснился Святославу в «Слове о полку Игореве», какой формы, цвета и объема был сосуд, из которого дали напиться пива Илье Муромцу калики перехожие, и т. п.? Не было у нас таких ученых, и некоторые почтенные люди говорят даже с душевным прискорбием, что русская натура вовсе и неспособна к такой учености. Г-н Берви только, в своих исследованиях о том, как в анатомических признаках и химических явлениях уловить дух *мира*, подходит к такому идеалу учености. Но, к сожалению, фамилия г. Берви показывает, что и его не совсем можно причислить к семье ученых *русских*...[5] И выйдет, по надлежащем исследовании, что действительно, кроме библиографов, у нас истинных ученых нет и не бывало. Даже и те случаи, когда человек, занимающийся каким-нибудь предметом, вдруг является ученым, и эти случаи, – все до единого, – сводятся к библиографии. Человек забрасывает вас фактами, открытиями, глубокими соображениями; вы думаете,

что он в самом деле изучал свой предмет, как он есть, *живьем*, что он сам думал о нем и вывел свои заключения на основании общих законов, им же самим если не открытых, то по крайней мере усвоенных, обдуманых, проверенных... Ничего не бывало: в конце концов оказывается, что он только *знает литературу своего предмета*, – иначе сказать: в библиографии угодился зело... Далее этого русские ученые (собственно, так называемые) не простираются... Мы могли бы представить сотни доказательств и примеров; да только – зачем же доказывать то, что каждый день у всякого пред глазами?..

Зато библиография вполне удовлетворяет у нас самым взыскательным требованиям (если не упоминать о «Библиографических записках», [6] в которых она иногда сбивается с своего пути). Библиографы русские успели возвыситься до того научного величия, при котором мелки и ничтожны становятся обыкновенные интересы простых смертных. Библиограф русский, принимаясь за свой труд, отрешается от всего житейского; для него исчезают пространство и время, звания, полы, воз-

расты, все различия предметов; он носитя в библиографических сферах, видя перед собою только буквы, страницы, опечатки, оглавления и не различая ничего более. Примеры и результаты подобной аскетической преданности своей науке и отрешенности от всего земного поистине достойны благоговейного изумления. Когда при вас говорят, например, о Гоголе, то вам приходят на ум прежде всего «Мертвые души» и «Ревизор», оттого что вы преимущественно к этим его произведениям привязываете разные литературные и общественные интересы. Для библиографа никаких интересов подобного рода не существует! Для него важна *его наука*, требующая указания страниц, года, формата и т. п. Библиограф погрешил бы против своей науки, если бы «Мертвым душам» отдал преимущество перед «Развязкой Ревизора» или «Перепиской». Он совершил бы страшное преступление, если бы «Мертвые души» предпочел «Гансу Кюхельгартену». Помилуйте – что за невидаль «Мертвые души»! А «Ганс» – библиографическая редкость... И так тверда у библиографов эта точка зрения, что один из них, составляя

список сочинений Гоголя, действительно *пропустил* «Мертвые души», [7] а другой библиограф, услышав об этом, сказал в оправдание своего собрата: «Один пропуск – не великая важность; нельзя же обойтись совсем без пропусков». Так сильно в библиографах отрешение от всяких интересов, посторонних для их науки!..

Есть примеры еще разительнее. Один библиограф взялся, например, составить полный список русских женщин-писательниц, [8] взявшись за это, он сказал себе: фамилии мужеского рода кончаются на *ъ*, *ий*, женского – на *а*, *я*; по этому признаку буду я узнавать женщин-писательниц. И действительно, далее этого он уже ничего знать не хотел. Если бы ему предстали подписи: брама, мирза, мустафа, он бы всех их зачислил в женщины, а Елизавет Воробей, конечно, попала бы у него в мужчины, как у Собакевича. И в списке женщин-писательниц действительно оказалось несколько мужчин, даже несколько названий деревень, принятых библиографом за писательниц потому, что они оканчивались на *а* или *я*. Напрасно в самой книге упомина-

лась та же деревня, напрасно в том же журнале, откуда взято было известное имя, несколько раз назывался Егором писатель, принятый библиографом за Елену: он ничего знать не хотел, кроме своей науки и буквы Е., поставленной пред фамилией, которую счел он за женскую... Твердость духа и презрение ко всему житейскому – поразительные!..

Нам кажется, что г. Афанасьев не совершенно достиг еще до такого презрения к жизненным интересам ради высоты своей науки. Истинный, совершенный библиограф издал бы, конечно, «Мешенину», [9] а уж никак не «Кошелек», при котором у Сопикова [10] не стоит даже отметки: «редка». Неполноту и даже слабость библиографических начал в г. Афанасьеве доказывают и многие из статей его, помещенных в «Библиографических записках», «Атенее», «Русском вестнике» и пр. В нем еще заметно легкомысленное, дилетантское стремление пользоваться библиографическою наукою для разрешения некоторых чуждых ей вопросов. Такие статьи, как «Школа светских приличий», «Черты нравов прошлого столетия» и т. п., уже по самому загла-

вию своему неприличны для истинного библиографа.[11]

Но, с другой стороны, г. Афанасьев подает блестящие надежды на то, что он достигнет совершенства библиографической учености. Надежды эти поддерживаются в нас особенно изданием «Пустомели» и «Поденьшины». Здесь библиографическая точка зрения заслонила уже пред г. Афанасьевым всякие другие интересы. «Пустомеля» *«редка»* (выразимся так, принимая ее за женщину-писательницу): только два экземпляра известны в свете, да и то еще другой-то известен только по слухам и потому остается в подозрении; сам г. Булич, автор речи о значении Пушкина,[12] не видал «Пустомели» и говорил о нем только по слухам. Эти обстоятельства сообщают «Пустомеле» великую ценность в глазах библиографа. Ему дела нет, что журнал этот плох, что от него никому не может быть ни пользы, ни удовольствия, что никто им не поинтересуется. Он редок, – и этого достаточно. Конечно, и редок-то он именно потому, что был слишком плох, так что даже 88 лет тому назад немногих интересовал. Но это ничего не значит в

глазах библиографа: издавая редкость, он оказывает услугу своей науке, а до остального ему дела нет. В 1769 году стали выходить «Всякая всячина», «Адская почта», «И то и се», «Ни то ни се», «Полезное с приятным», «Пустомеля», «Смесь», «Трутень».[13] Человек с обыкновенными, простыми понятиями о литературе выбрал бы, конечно, «Трутень», как самый лучший из всех и имеющий интерес не только исторический, но даже отчасти и современный. Затем обыкновенный человек издал бы «Живописца», «Вечера» и другие новиковские издания до «Утреннего света».[14] В этих изданиях затрогивались серьезные вопросы, которые получили свое развитие только в позднейшее время, и во многих отношениях современной публике было бы поучительно проследить, как ставились и понимались некоторые из нынешних вопросов сатиры прошлого столетия. Правда, и в то время сатира была не совершенно свободна и откровенна в своих речах; слабость ее сознавал сам Новиков, поместивший в «Живописце» письмо одного приказного, который, обращаясь к «Живописцу», говорит: «Мне кажется, брат,

что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает; а это называется брехать на ветер. По-нашему – коли брехнуть, так уж и укусить, да и так укусить, чтобы больно, да и больно было. Да на это есть другие собаки. А постельным хотя и дана воля брехать на всех, только никто их не боится...» Но при всем этом нужно сказать, что многие из намеков, обличений и насмешек новиковской сатиры не показались бы бледны и в современной обличительной литературе. Таковы сатирические его выходы против взяточничества, барской спеси, пренебрежения человеческих прав в низшем классе общества, ложного благочестия и т. п. Но еще более интереса имеет для нас новиковская сатира как исторический документ, рисующий перед нами нравы эпохи. Есть вопросы, которых положение совершенно уже не то в современном обществе, как было 90 лет тому назад, но которые все-таки не перестают привлекать наше внимание по своему историческому значению. Таков, например, вопрос об отношениях помещиков к крестьянам. Конечно, теперь порядок дел со-

вершенно уже изменился или изменяется. Но тем любопытнее для нас сохранение черт невозвратной старины и тем важнее для нас убеждение, что еще в прошлом веке, почти при самом начале своего развития, литература наша уже выражала добрые стремления относительно этого вопроса. Заметки новиковских журналов на этот счет чрезвычайно живы и метки и, как черты своего времени, дышат правдой. На них-то, конечно, прежде всего и обратилось бы внимание обыкновенного издателя, предпринявшего перепечатку старинных журналов.

Но библиография имеет свои права и свои воззрения. В виде уступки современным интересам г. Афанасьев издал и один из новиковских журналов, «Кошелек»; но это, кажется, самый слабый и наименее интересный из них. Даже «Парнасский щепетильник»[15] едва ли не более представляет живых и серьезных замечаний, чем «Кошелек». Большая половина «Кошелька» наполнена жестокими и довольно меткими, хотя слишком уже однообразными, нападками на французов и на французманию в русских; в остальной половине

помещены – плохой русский водевиль «Народное игрище» и длинная, стихов в 400, «Ода России, на одержанные ею в 1770 году победы».[16] Из всего этого нам показалось не лишним современным интереса только одно возражение «некоторых» против меры, принятой в одном приятельском обществе для усовершенствования русского языка. Общество это решило: брать пять копеек пени с каждого, кто без надобности скажет французское слово вместо русского. Эта мера не для всех могла быть приятна, и вот как «Кошелек» (стр. 16–18) излагает возражения противников:

Скажут некоторые, – что не подобною сей выдумке отечественный язык до совершенства проводить и обогащать надлежит; что на сие есть особо учрежденные места, которые денно-ночно о том пекутся, или по малой мере печися должныствовали бы; что три, пять или десять человек молодых людей, и только что охотников, не более к собранию ученых, как единица к тысяче; что приступать к сему важному делу надлежит таким порядком:

несколько лет думать, несколько лет рассуждать, несколько лет делать начертания, несколько лет рассматривать оные; много лет приуготовлять вещество, много лет собирать оное, много лет приводить оное в порядок, много лет делать из приведенного в порядок выписку, много лет из выписки сочинять, а потом еще более всего много лет рассматривать и одобрять оный труд к печатанию; что надлежит трудящимся давать много жалованья, покойные квартиры, хорошие столы и прочее, дабы все сие услаждало чувства и приводило отечественный дух в сильное движение; наконец, чтобы казна прежде совершенно потеряла несколько десятков тысяч рублей, пока общество увидит несколько десятков строк сего важного сочинения, в печать изданных: но что такое сочинение будет похвально, полезно, удивительно и принесет великую честь всему государству; подобные же нашим выдумки частных людей похожи на русскую пословицу: ^Ходила синица море зажигать; моря не зажгла, а славы много наделала».

Подобные претензии можно нередко и ныне слышать от некоторых из ученых корифеев; а быстрота и правильность в ходе дела, лукаво изображенные Новиковым, еще долго, кажется, и впоследствии оставались неразлучны со многими из наших ученых обществ и академий.

О двух других журналах, изданных г. Афанасьевым, решительно сказать нечего, кроме разве того, что в «Пустомеле», на стр. 98–103, помещено «Послание к слугам моим Шумилу, Ваньке и Петрушке» Фонвизина. Это, между прочим, может служить к опровержению предания, пущенного в ход, кажется, митр. Евгением («Словарь», I, 188),[17] будто ««Послание к слугам» появилось в первый раз на свет (в) 1763 году, в Москве, во время данного от двора народу публичного маскарада, на сырной неделе, когда на три дня во всех московских типографиях позволена была свобода печатания». В «Пустомеле», издававшемся в Петербурге, оно напечатано в июле 1770 года, и, кажется, судя по примечанию к нему издателя, в первый раз. В примечании, между прочим, говорится: «Кажется, что нет нужды чи-

тателя моего уведомлять о имени автора сего послания; перо, писавшее сие, российскому свету и всем любящим словесные науки довольно известно».

Может быть, г. Афанасьев намерен перепечатать и некоторые другие из старинных журналов. В таком случае выразим наше искреннее желание – чтоб он сделал некоторое снисхождение современной читающей публике и не издавал бы «Мешанину», а обратил свое внимание на издания Новикова.

Комментарии

Речь идет о полемике, возникшей в связи со статьей профессора Петербургского университета В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» («Русская беседа», 1856, кн. 3 и 4); целая партия – имеются в виду славянофилы (см. также прим. 14 к статье «Русская цивилизация...»).

[^^^]

Утверждение о «недостаточной учености» Белинского было впервые высказано М. П. Погодиным в статье «Несколько слов по поводу некрологов г. Белинского» («Москвитянин», 1848, ч. IV, № 8) и затем подхвачено славянофилами и всей реакционной журналистикой.

[^^^]

Имеются в виду прогрессивные деятели *Мейер* Д. И. (1819–1856) – профессор правоведения в Казанском, а затем Петербургском университетах (см. о нем отзывы Чернышевского, III, 670–672 и IV, 288) и *Кудрявцев* П. Н. (1814–1858) – беллетрист, историк, профессор Московского университета, сотрудник «Отечественных записок» и «Современника»; Кудрявцев был одним из блестящих учеников и преемников Грановского.

[^^^]

Исследование *аббата*: Bertrand Capmartin de Chaupy. Découverte de la maison de campagne d'Horace A Rome, 1767–1769 (Бертран Капмартен де Шопи. О местонахождении виллы Горация, Рим, 1767–1769).

[^^^]

О В. Берви и его книге «Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни» (Казань, 1858) см. рецензию Добролюбова (в т. 2 наст. изд.).

[^^^]

«Библиографические записки» – журнал, выходивший в Москве в 1858–1859, 1861 годах; в 1858–1859 годах редактором его был А. Н. Афанасьев.

[^^^]

Имеется в виду «Список сочинений Гоголя», составленный библиографом Г. Н. Геннадием («Отечественные записки», 1853, кн. 9, отд. VII, стр. 29–35).

[^^^]

Речь идет о работе Н. Н. Голицына «Список русским писательницам» («Молва», 1858, №№ 28–30, 32–35); позднее она вышла отдельной книгой под названием: «Библиографический словарь русских писательниц» (СПб., 1889).

[^^^]

«*Мешенина* Катоноскарроническая» – сатирический журнал, выходивший в Петербурге в 1773 году; вышло всего лишь 2 номера.

[^^^]

Имеется в виду библиографический труд В. С. Сопикова «Опыт российской биографии» (в 5 частях, СПб., 1813–1821).

[^^^]

Упомянутые статьи Афанасьева напечатаны: «Школа светских приличий» – в «Атенее», 1858, № 34; «Заметка о нравах прошлого столетия» – там же, № 14. (См. «Перечень трудов А. Н. Афанасьева, составленный им самим», в «Русском архиве», 1871, т. XI, стлб. 1952–1954.)

[^^^]

Речь Н. Н. Булича «Значение Пушкина в истории русской литературы» была произнесена в торжественном собрании Казанского университета 9 октября 1855 года; в том же году вышла отдельным изданием. Об этой речи см. также: Чернышевский, III, 519–523.

[^^^]

«*Всякая всячина*» – журнал, издавался в 1769–1770 годах Г. В. Козицким, под наблюдением Екатерины II. «*Адская почта*» – журнал Ф. А. Эмина, выходил в 1769 году. «*И то и се*» – журнал, издавался в 1769 году М. Д. Чулковым. «*Ни то ни се в прозе и стихах*» – журнал, издавался в 1769 году В. Г. Рубаном и С. Башиловым. «*Полезное с приятным*» – журнал, выходивший в 1769 году при Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, издавался И. Ф. Румянцевым и И. А. де Тейльсом. «*Пустомеля*» – журнал, выходивший в 1770 году; фактическим его издателем был Н. И. Новиков. «*Смесь*» – сатирический журнал, выходивший в 1769 году. «*Трутень*» – сатирический журнал, издававшийся Н. И. Новиковым в 1769–1770 годах. Все эти журналы выходили в Петербурге.

[^^^]

«Живописец» – сатирический журнал Н. И. Новикова, издавался в 1772–1773 годах. «Вечера» – журнал, издавался в 1772–1773 годах группой лиц из кружка М. М. Хераскова. «Утренний свет» – издавался Н. И. Новиковым в 1777–1780 годах, первоначально в Петербурге, а затем (с 1779 года) в Москве.

[^^^]

«Парнасский шепетильник» – журнал, издававшийся М. Д. Чулковым в Петербурге в 1770 году; вышло 8 номеров.

[^^^]

По некоторым предположениям, автором комедии «Народные игрища» была княгиня Е. Р. Дашкова (см. комментарии П. Н. Беркова в книге «Сатирические журналы Н. И. Новикова», изд. АН СССР, М. – Л., 1951, стр. 589–590). Автор упомянутой «Оды» – малозначительный духовный писатель Аполлос Байбаков (см. там же, стр. 590).

[^^^]

Цитируется книга: «Митр[ополит] Евгений [Е.А. Болховитинов]. «Словарь русских светских писателей», т. I, М., 1845.

[^^^]